

Н.В. Чайковский

**Религиозные и общественные
искания**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.В. Чайковский**
Религиозные и общественные искания / Н.В. Чайковский – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 284 с.

ISBN 978-5-458-55527-2

Чайковский Николай Васильевич (1850-1926) - революционный и политический деятель. В издании приведены воспоминания, статьи: М.А. Алданова, Е.К. Брешко-Брешковской, Дюнео, В.А. Мякотина, Д.М. Одинца, Т.И. Полнера и воспоминания Н.В. Чайковского.

ISBN 978-5-458-55527-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПАМЯТИ ДРУГА.

I.

Большим и свѣтлым человѣком остался среди нас Николай Васильевич Чайковскій, и нѣтъ близко знавших его, кто бы не любил его. Но вмѣстѣ с тѣм сложность и разносторонность свойств его души, всегда искавшей, его неутомимый ум, жаждавшій непрестанной дѣятельности, являли особенный тип человѣка, не поддававшійся привычной мѣркѣ больших людей. У него была своя исключительная. Мы не можем сказать, что это был выдающійся дипломат, революционер, организатор, пророк, либо учитель, хотя всѣ эти поприща были ему близко знакомы, и на каждом из них он работал горячо, умѣло.

Мы не можем даже сказать, какой род дѣятельности был особенно дорог его искренней, вѣрующей душѣ, настолько энергично, я бы сказала, жадно хватался он за каждую новую предстоящую перспективу.

И если есть нѣчто связующее воедино всѣ его начинанія на широкой аренѣ его разнообразной дѣятельности, то это несомнѣнная чистота побужденій, как и неизмѣнная цѣль в виду — благо человѣчества. О нем без всяких оговорок можно сказать: пришел на землю для того, чтобы любить и служить. Служить не за страх, а за совѣсть. Жажда непрестаннаго служенія и наложила особую печать на всю его долгую дѣятельность и постоянно вызывала к жизни богатый родник энергій, никогда в нем не изсякавшій.

II.

Я считаю большим счастьем для себя то обстоятельство, что могла слѣдить за всѣми перепитіями жизни такого большого и такого интереснаго человѣка, каким навсегда останется Николай Васильевич Чайковскій.

Благодаря тому, что с первой же встрѣчи с ним на нелегальном собраніи молодых сил в Петербургѣ в 1873-74 г., гдѣ мнѣ указали на Н. В. Чайковскаго, как на организатора кружка чайковцев, он произвел на меня впечатлѣніе глубоко убѣжденнаго и вдохновеннаго вождя, несмотря на молодость свою, и несмотря на то, что взгляды наши на предстоящую работу в народѣ широко расходились. Этого одного раза было достаточно, и потом много лѣтъ я с глубоким интересом прислушивалась к тому, что касалось дальнѣйшей духовной жизни человѣка, о котором послѣдователи его в Россіи говорили не иначе, как о «великом учителѣ». Многіе из них по отъѣздѣ Н. В. в чужіе края потеряли вмѣстѣ с ним ту энергію, что питались они от него, как от живого источника. Вдохновенный, он вдохновлял других.

Но он был не только вѣрующим в свою истину, он страстно стремился к ея осуществленію, он должен был дѣйствовать, он не мирился с покоем, с выжиданіем. Но в Россіи самодержавный режим не терпѣлъ и чисто культурно-духовной работы, основанной на принципѣ любви и братства. Надо было искать условій и среды, гдѣ бы душа человѣка могла бы свободно проявить и свои исканія и свои убѣжденія. Вызвать в себѣ к жизни начало божественности. И Николаю Васильевичу удалось встрѣтить нѣсколько лиц такого же настроенія. В лицѣ Маликова и Фрея (Влад. Конст. Гейнса) он нашел то, чего хотѣлъ, а именно воплотить в жизнь идеал духовнаго совершенствованія. Со вторым и еще немногими русскими интеллигентами удалился Чайковскій в Сѣверную Америку, чтобы там без посторонняго вмѣшательства на дѣлѣ осуществить возможность совмѣстной, трудовой, братской жизни. И вложила эта группа людей искренних всѣ силы свои, чтобы наладить именно такое общежитіе. Время шло, а непосильный труд сказывался все острѣе. Небольшія при-

везенныя средства изсякали, и молодыя семьи, несмотря на всѣ старанія, были вынуждены разойтись в разныя стороны. Нужда дошла до предѣлов. Чайковскій бросился в поиски за работой и с немногими долларами в карманѣ отправился вглубь богатой страны. Тут именно он и наткнулся на жестокое разочарованіе. Свободная демократическая республика обратилась к нему своей изнанкой. Он встрѣчал бездушное и даже жестокое отношеніе каждый раз, когда обращался к служебному персоналу тѣх или других учреждений. Бездомнаго чужестранца гнали вон. — Опыт этот не прошел для него безслѣдно.

Ник. Вас., пораженный такими нравами в свободном государствѣ, задумался над правотой его политическаго строя и таким путем пришел к признанію анархизма. Но анархизма с точки зрѣнія его давнишняго товарища Петра Кропоткина. Неумоимый, строгій к себѣ до аскетизма, Николай Васильевич, послѣ тяжелых лишеній и горестныхъ испытаній, выбился таки на дорогу и перебрался с семьей в Англию.

В Лондонѣ жил П. А. Кропоткин и еще немало выдающихся русскихъ эмигрантов, издававшихъ листки и журналы революціоннаго содержанія на русском и англійскомъ языкахъ, и Чайковскій принялъ живое участіе в ихъ работахъ. Самыя лучшія взаимоотношенія установились у него и с тѣми англичанами, что уже состояли в дружбѣ с Кропоткиным, Кравчинским и другими ихъ товарищами.

Знакомства эти немало помогли Николаю Васильевичу найти работу штатную, что было необходимо в виду растущей семьи, о судьбѣ которой он такъ нѣжно заботился. Свободолюбивый и увлекающійся, он на себѣ испыталъ всю горечь стѣсненій и насилій над горячими порывами души своей и не хотѣлъ препятствовать вкусамъ и влеченіямъ дѣтей своихъ. Он доставлялъ имъ все, что могъ, для развитія ихъ способностей и талантовъ. А такое воспитаніе требовало немалыхъ средствъ, и — общественный дѣятель и отецъ четырехъ дѣтей — онъ весь уходилъ в работу, не покладая рукъ. Такая дѣловитость и рѣдкое умѣніе организатора вызвали к нему со стороны англичанъ симпатію и довѣріе, и вскорѣ Ник. Вас. стоялъ во главѣ предпріятія, удовлетворявшаго его скромныя требованія. Дѣти подрастали, обѣ дочери устроились, и его энергія уже направлялась к болѣе широкой работѣ.

III.

О жизни Н. В. Чайковского в Лондонѣ знает подробно Е. Е. Лазарев, тоже немало времени работавшій там по организационным и издательским дѣлам. Миѣ же довелось встрѣтиться с Ник. Вас. лишь тогда, когда дѣла партіи социалистов-революціонеров заставили меня впервые ѣхать за границу. Это было в 1903 году. Штаб-квартира партіи соц.-рев. была в Женевѣ, и там был назначен съезд представителей партіи, разсѣянных по Европѣ. Ник. Вас. Чайковскій не был оповѣщен, так как был извѣстен за анархиста и сотрудника П. А. Кропоткина, отрицавшаго партійныя организаци.

Однако, к большой моей радости, явился и неожиданный Николай Васильевич и заявил свое согласіе работать вмѣстѣ с нами. В то время партія соц.-рев. уже твердо опредѣлилась и как организованное цѣлое и как народническая по своему направленію. Широко была поставлена пропаганда, издательство, и уже началась боевая дѣятельность. Было к чему приложить свои силы, а этих сил в душѣ Чайковского — стремленіе служить народу своему, отстаивать свободу и достоинство человѣка — было всегда много в груди самоотверженнаго борца.

Сотрудник он был тѣм болѣе неоцѣнимый, что вмѣстѣ с неутомимостью он обладал рѣдкой практичностью, осмотрительностью, конспиративностью. И эти его способности блестяще проявились в той отвѣтственной работѣ, что была ему поручена. Он устроил в Лондонѣ обширные склады для литературы и оружія, выбрал подходящих помощников, имѣл в своем распоряженіи небольшой пароход для переправы в Россію и наладил другой путь.

Увы, поклонники Азефа сочли нужным сообщить ему о работѣ Чайковского и даже послали Азефа провѣрить работу Н. В., и начались безконечные провалы.

Так шло до «пятаго» года, когда Н. В. не захотѣлъ дольше оставаться за границей и, преобразившись до неузнаваемости, переѣхал в Россію. Он нашел меня на Уралѣ...

В сентябрь 1907 года я была арестована; вскорѣ послѣ

— взят был Н. В., но без улик и без свидѣтельских показаній. Полгода он просидѣлъ в крѣпости и был освобожден до суда, который имѣлъ мѣсто лишь через два года восемь мѣсяцев послѣ моего ареста.

Судили нас обоих вмѣстѣ. Мое прошлое было извѣстно судьям, но, как я уже сказала, против Н. В. не было ни улик, ни свидѣтельских показаній, а, напротив, служащіе разныхъ англійскихъ контор установили и алиби Николая Васильевича, и свои с ним дѣловыя сношенія. Получилась полная возможность достигнуть полного оправданія на судѣ, что и случилось. Ник. Вас. снова на свободѣ, тѣмъ болѣе ему нужной, что он уже у дѣла. Уже вошел с головой в ход грандіозной Всероссійской Крестьянской коопераціи, уже успѣлъ послужить и обучить десятки молодыхъ деревенскихъ парней кооперативному дѣлу и возил их за границу, в Данію, чтобы знакомиться с тамошними порядками и приѣмами. Вся Россія и Западная Сибирь были имъ изучены, и вездѣ он был свой человѣкъ. Он, наконец, нашел свою сферу: непосредственное соприкосновеніе с человѣкомъ, в немъ нуждавшемся, при живом, насущномъ дѣлѣ... Октябрьскій переворотъ выбил родную почву изъ подъ ногъ его и перенес в чуждую его душѣ атмосферу и среду. И ей отдавал онъ свои не молодыя уже силы, какъ только могъ, какъ умѣлъ.

Во истину, свѣча Божья, горѣвшая во имя любви и правды. Ничего для себя, все для другихъ. С дѣтства глубоко религіозный — онъ остался такимъ до конца дней своихъ.

Катерина Брешко-Брешковская.

ИЗ ВОСПОМИНАНІЙ (1).

Прожито три четверти столѣтія. От Крымской до міровой войны, от крѣпостного права до большевицкой тираніи. Разсказать детально все, что произошло за это время, одному человѣку едва ли и посильно, особенно пишущему эти строки, с плохой памятью и без литературнаго таланта. А передать, что было внутренне пережито за эту богатую событіями эпоху, попытаться стоит.

Начать приходится с ранняго дѣтства, до 5 лѣтъ, в провинціальном городѣ, а потом, в пятидесятых годах, прошли в крѣпостной деревнѣ, в Вятской глуши. С 1863 г. в Петербургѣ в средней школѣ, с лѣтними перерывами для поѣздки домой в деревню на каникулы до 1868 г. Отсюда начинается уже самоопредѣленіе: университет, студенческіе годы и волненія, идеалистическіе кружки самообразованія с первыми попытками самостоятельной общественной жизни. Все это укладывается в одно десятилѣтіе (от 1861 до 1872) великих реформ и совпадает с расцвѣтом русской интеллигенціи, русской гражданственности и общественности. Затѣм послѣдовало общественное самообразование студенчества и хожденіе в народ с пропагандою идей утопическаго социализма и преслѣдованій за нее правительством. Народническая организация, благодаря ему, превращалась в революціонно-политическую с террористической и конспиративной дѣятельностью, к которой у меня склонности никогда не было. И я

(1) Первая глава воспоминаній Н. В. Чайковскаго — «Дѣтство» была напечатана еще при жизни его в заграничном «Голосѣ Минувшаго». Вторая глава — «В деревнѣ» была записана под диктовку Николая Васильевича Ф. І. Степняк-Кравчинской. Дальше воспоминанія оборвались. В черновиках Н. В. нашлось начало отрывка «Студенческіе годы», которым мы и заключаем личныя воспоминанія Николая Васильевича о раннем періодѣ его жизни.

отошел эт неа в другую крайность — в религиозное самоуглубленіе и практическое исканіе для него общественной формы.

Для этого пришлось уѣхать в американскія степи, ибо русскіе порядки не давали мѣста и этого рода дѣятельности (1874 г.). Четыре года в Америкѣ, два года в общинѣ и два года по заводам и у шекеров (1875-1879) — многому научили, но и во многом разочаровали. Пришлось вернуться в старый мір борьбы и злобы для осуществленія общественных идеалов, в Европу (1879 г.).

Настали годы эмигрантской жизни вдали от родины без надежды возвращенія, с возможностью лишь помогать издали тѣм событіям, которыя назрѣвали там...

ДѢТСКІЕ ГОДЫ.

Губернскій город Вятка в началѣ 50-х годов. Мнѣ три с чѣм-то года. Осенній день. Нас ведут вмѣстѣ с тремя старшими сестрами смотрѣть на постройку нашего новаго дома. Теперь мы живем на квартирѣ у портного Горбушкина, в домѣ, который выходит на Преображенскую улицу и соприкасается с огородом другого его же дома, который выходит на главную Московскую улицу. Мой отец купил у него этот второй дом, снес его и теперь строит на том же мѣстѣ новый деревянный дом для нашей семьи. Мы пролѣзаем через какое-то отверстіе в заборѣ, замѣняющее калитку или ворота между двумя огородами. Постройка еще далеко не окончена — выведены только фундамент и стѣны, и она на меня никакого яснаго впечатлѣія не производит. Помню только, что подлѣ нея был сад и вокруг двора какія то службы. Это самое раннее мое воспоминаніе, относящееся к 1853 или 54-му году. Я родился в декабрѣ 1850.

Дальше память дѣлает скачок в год или полтора, когда дом уже готов, и мы в него уже переѣхали и размѣстились: дѣтская сестер и комната гувернантки наверху, в мезонинѣ, а мы с братом — внизу, в комнатѣ рядом с отцовским кабинетом, но с дверью в коридор. Окно нашей комнаты выходит на двор и на дворѣ снѣг. Перед окном большой стол, за которым брат занимается с учителем, чтобы приготовиться к поступленію в гимназію, во второй класс. У окна, подлѣ стола, — кровать брата, а за нею в углу стоит чистая,

бѣлая лопата, которой он в свободное время сгребает на дворѣ снѣг и выкапывает пещеры в сугробах. Петя и учителю показывал свою лопату, и тот очень смѣялся. . . Моя кровать по другую сторону двери в глухом углу комнаты. У меня лопаты еще нѣтъ, но мнѣ ее до страсти хочется имѣть, хотя бы не такую большую, как у брата: на базарѣ вѣдь есть всякія лопаты и всѣ бѣлыя, липовыя, легенькія, а мнѣ говорят, что я еще мал, и что мнѣ купят лопату слѣдующей зимой. Цѣлый год ждать! — О комнатах в новом домѣ у меня вообще сохранилось воспоминаніе, как о чем-то очень свѣтлом и чистом. Теперь я не могу себѣ даже их представить без солнца. Снаружи стѣны из толстых бревен, красиво прсконопаченных мхом, как это умѣют дѣлать только вятскіе плотники. Никакой обшивки или штукатурки на них не было; не было ея и внутри, и стѣны были только гладко вытесаны. даже в гостиной и в залѣ. Я убѣжден, что такой свѣтлый вид жилья, среди котораго протекало мое рѣнное дѣтство, имѣл большое вліяніе на присутствіе в моем характерѣ бодрого оптимизма.

Вечером меня укладывают спать раньше других и тутшат свѣтъ в комнатѣ; но я его все равно вижу сквозь щель между дверью и косяком, что в изголовьѣ моей кровати, — из сосѣдней столовой, и непремѣнно жду, чтобы пришла мама, сказала нѣсколько своих хороших, ласковых слов, от которых так легко засыпается и так радостно станет внутри. . . Потом она меня всегда благословляла и уходила, притворивши дверь. Помню и другое: я простудился, у меня жар и к ногам приложены горчишники; сильно шиплет, и я жду-не-дождусь, чтобы пришли и сняли их; все больнѣе и больнѣе. . . а никто не идет. Наконец, не выдерживаю и начинаю хныкать. Мать быстро входит и, успокаивая меня, снимает горчицу и поит меня каким то горячим настоем из липоваго цвѣта или ромашки, укутывает одѣялом, говорит, что завтра все пройдет, благословляет и уходит. Все кончается благополучно.

Что происходило по утрам, в началѣ дня в домѣ — не помню. А помню вот что: в угловой комнатѣ, что выходит окнами на площадь, за рабочим столиком, на кушеткѣ сидит магъ и шьет. Подлѣ нея на стулѣ сажу я перед азбукой «Елка» со многими картинками; читаю я уже не по

складам, хотя еще с растяжкой и спотыкаясь, стихотворение «Трубочист», которое я буду учить наизусть:

«Вот идет Петрушка, черный трубочист,
Он лицом и черен, но душою чист», и т. д.

Мнѣ оно очень нравится, и мать хвалит меня за то, как я его прочитал. У меня является по этому случаю желание закрыть книжку и бѣжать играть. Однако-ж, нѣтъ, мнѣ говорят: «ну, теперь будет совсѣм хорошо, если мы прочитаем с тобой вот хоть бы это — «Перевоз», а тогда будет довольно, и ты пойдешь играть». Скрѣпя сердце, читаю, хотя уже не так успѣшно, потому что голова занята совсѣм не тѣм: послѣ нѣкоторых поправок получаю легкой выговор за невниманіе, и еле-еле дотягиваю «Перевоз» до другого берега рѣки и... полусконфуженно закрываю книгу и удаляюсь.

При нашем домѣ довольно большой двор, окруженный с трех сторон по перядку — садом с цвѣтниками, колодцем, каретником и конюшней в углу, с другой — старым двухэтажным амбаром и воротами в огород, и, с третьей — новым дровяным сараем с плоской крышей, с которой мы с братом производили опыт над кошкой, правду ли говорят, что откуда бы ни бросить кошку, она всегда станет на ноги? — Из этих значных мѣст самыми интересными для меня были сад и конюшня. В саду, кромѣ цвѣтников и парников, которыми занималась мать, страстная цвѣточница, была «горка» с четырьмя высокими елками по углам и с шишками на них; высокія качели с веревками и доской, и двѣ длинныя дорожки, во всю длину сада, кромѣ поперечных, усыпанныя щебнем, с густыми кустами смородины и сирени, подрѣзанной в стѣну по сторонам. Одна из этих дорожек упиралась одним концом в забор, через который, вставши на скамейку, можно было смотрѣть на улицу, а другим граничила с огородом. Здѣсь, в самом дальнем углу сада, на заборѣ из толстых, грубых жердей, было главное мѣсто наших военных совѣтов о разных планах и играх, — вродѣ того забора, на котором В. Г. Короленко в дѣтствѣ в г. Ровно рѣшал подобныя же проблемы со своим братом. Вообще сад был мѣстом самых разнообразных кампаній: в прятки, в разбойников с деревянными

ми мечами, в лошадей со старыми подковами, привязанными к ногам, но таким образом, чтобы при бѣганьѣ по сырым дорожкам из под ног «лошади» непременно вылетали комья сырого песка, и т. д. Я, конечно, только сопровождал такія сложныя игры, потому что к ним обыкновенно примѣшивалось это ненавистное и обидное для меня: «ты еще для этого слишком мал» сестер и брата, которое жалело меня в самый центр моего воображенія. Едва ли не поэтому у меня в эту пору возникла странная идея, что, когда я буду большим мальчиком, я обязательно должен сдѣлаться жеребенком. По крайней мѣрѣ я хорошо помню, что задавал матери такой вопрос: «когда же это, мамаша, я сдѣлаюсь жеребенком?», за что, конечно, был публично высмѣян. — А конюшня! Вѣдь это был один восторг! Я ее вижу сейчас перед собою, как будто был в ней нѣсколько недѣль тому назад, — а с тѣх пор прошло ровно семьдесят лѣт. Там было три лошади и козел с огромными рогами и бородой. Пара выѣздных — «Воронко» и «Бѣлонѣжка» и свѣтло-гнѣдой водовоз «Старик», который потом оказался самой лучшей лошадейю из всѣх. Козла я очень боялся, но обыкновенно он сидѣл в одном из свободных стойл за рѣшеткой и, что называется, «сдыба» бил по ней рогами, когда его дразнили. Дѣло в том, что у нас в домѣ не держалось ни кошек, ни собак, и всѣ наши симпатіи к живой природѣ сосредоточились на лошадях. Самое интересное было присутствовать при том, как кучер Гаврило чистил свою выѣздную пару, и как лукавая «Бѣлоножка», приложивши уши, шутя, хватала его зубами за рукав, а он дѣлanno-сердито покрикивал на нее: «балуй!» Или во время водопоя держать их за повод, пока онѣ пьют, а Гаврило чистит сгойла и кладет свѣжую солому для подстилки. «Старик» числился за дворником Лавром (производя это имя почему-то не от Лавра, а от Лавѣр), огромным, добродушным мужчиной, с длинной, черной бородой и неизмѣнно испуганной улыбкой на стыдливо-румяном лицѣ (кажется, он был придурковат). Его первую обязанностью, кромѣ чистки двора, было почти ежедневно ѣздить на рѣку за двѣ версты с сороковой бочкой за водой на «Старикѣ». На кухнѣ его нерѣдко обижали за придурковатость, а я его очень любил, и он часто сажал меня верхом